

Павел КАРМАНОВ, агентство «Интермедиа»,
Николай ФОХТ, «Известия» — 1994 — 2 июля — СС.

Как и ожидалось, X Международный конкурс имени П. И. Чайковского завершился сенсацией. Только преподнесли ее не участники, от которых ждали откровений и взлетов, а жюри. В трех специальностях из четырех первая премия не присуждена никому, а в конкурсе виолончелистов свободными остались все три первых места. И только жюри вокального конкурса предоставило «полный комплект» лауреатов, включая обладателя Большого приза.

Когда Зураб Соткилава, выдержав паузу, объявил обладателя гран-при конкурса вокалистов, зал облегченно взорвался овацией. Редкий случай: мнение жюри полностью совпало с симпатиями публики и специалистов. Хибла Герзмава из Абхазии покорила слушателей и жюри с первого тура и заслуженно получила единственную высшую награду на всем конкурсе. Кроме того, выпускница Московской консерватории приобрела еще и влиятельного покровителя: премия в пять тысяч долларов вручена ей лично Еленой Образцовой, которая, передавая за кулисами конверт, напутствовала: «Девочка, потрать их только на музыку, только на музыку». Елена Образцова призналась, что влюбилась в Хиблу с первого тура.

Сама победительница на вопрос о самочувствии ответила, как и положено в такие незабываемые моменты: «Это просто сумасшествие, я не могу сейчас говорить». Зато супруг певицы, который перенес триумф по-мужски, сдерживая эмоции, рассказывал, что Хибла — сильный и в то же время, очень ранимый человек. Целый год готовила Герзмава репертуар для конкурса, в победу на котором они втайне верили — втайне даже от самих себя. После того, как Хибла получит диплом Московской консерватории, они отправятся на серьезное певческое состязание в Хельсинки — продолжать триумфальное самоутверждение в оперной элите.

Вторую премию среди вокалистов получили китайский баритон Чен Е Юен и сопрано из России Марина Лапина. Вторыми стали великолепная исполнительница из США Лаура Клейкомб и украинка Татьяна Захарчук. Третью премию и бронзовую медаль завоевали россияне — меццо-сопрано Ирина Гелахова и тенор Михаил Давыдов.

Вокалисты завершали конкурсную программу вечером, а утром того же дня вся музыкальная

общественность бурлила, обсуждала неожиданные вердикты трех жюри: конкурсов фортепиано, скрипки и самый неожиданный —

но уверена в том, что у каждого члена жюри в списке было по несколько российских музыкантов. Но главная беда в том, что их было слишком много. Получилось так, что из россиян каждый член жюри выбрал наиболее ему понравившихся двух-трех реальных претендентов на прохождение в финал, но они просто не совпали по какой-то нелепой случайности. Необходимо было путем более жесткого отбора ограничить количество наших участников на основе прослушивания демонстрационных кассет. И, как

подчеркиваю, что эта ситуация рождена именно досадными организационными просчетами.

— А как вы оцените организацию конкурса в целом?

— Программа конкурса заметно отличалась от прежней — не в лучшую сторону. В первом туре никаких серьезных музыкальных задач перед конкурсантами поставлено не было. Обязательно ли на конкурсе Чайковского играть учебный этюд, который может вызвать любой студент? Можно ли показать владение формой и содержанием на «Пеццо-каприччиозо» Чайковского, известном как не лучшее его произведение? Что касается исполнения современного сочинения композитора страны участника, то здесь вообще все было очень неравноценно: абсолютно неясно, как сравнить совершенно различные по стилю произведения — от простейшей композиции на трех аккордах «Трудное детство», исполненной девочкой из Китая, до сложнейшего ультрасовремена. На втором туре обязательно было исполнение целиком сюиты Баха, что проблематично даже для крупных, уже играющих музыкантов. По существу, жюри для нормальной оценки оставалась только соната. Опять же один играет Шнитке, другой — Дебюсси, третий — Бетховена. Невозможно сравнивать сонаты этих композиторов, так как по трудности они, как разные планеты.

— Какие выводы, по вашему мнению, необходимо сделать?

— Главное — не откладывая подобное обсуждение сложившейся ситуации. Очень важно, чтобы жюри будущих конкурсов имени Чайковского было в курсе всех проблем, с которыми мы столкнулись.

В конкурсе по специальности «скрипка» вторую премию получили Анастасия Чеботарева и Дженифер Кох из США, третью — Граф Муржа (Россия) и Марко Рицци (Италия). У пианистов всех опередил Николай Луганский из России — он получил вторую премию и приз фонда Эрнста Неизвестного «Ученику и Учителю» (посмертно он присужден профессору Татьяне Николаевой). Третью премию присуждена россиянке Вадиму Руденко и кореянке Хэй Сун Пэк.

В день открытия конкурса «Известия» вышли с заголовком «Чайковский в ожидании гениев». Увы, не дождался.

Чайковский гениев не дождался

соревнования виолончелистов. Соображения знатоков включали весь спектр домыслов: от того, что жюри не захотело плодить конкурентов самим себе, до мнения, что независимо от предвзятого уровня первое место должно присуждаться, как на любых спортивных состязаниях.

Ситуацию комментирует член жюри конкурса виолончелистов Наталья Гутман.

— Дело в том, что по первому туру конкурс показался нам необычайно сильным. Кто бы меня ни спрашивал, я всем говорила, что все играют замечательно. Но несколько ярких, талантливых музыкантов почему-то не прошли на второй. Конечно, конкурс вообще предполагает неожиданности, но в этом году именно для того, чтобы избежать неожиданностей, так радостно и дружно съехались в жюри музыканты играющие, я бы сказала, не мафиозные. Результатами первого тура оказались недовольны все — и было принято решение заменить систему подсчета баллов на голосование. Это оказалось еще хуже — список музыкантов, прошедших в финал, поставил всех нас в недоумение.

— Есть ли конкретные причины, почему так получилось?

— Прежде всего я совершенно

оказалось, мы плохо договорились о деталях голосования. Из работы в жюри по болезни вышел наш американский коллега, который собственно и придумывал новые правила, произошла путаница, и в результате прошли совсем не те, кто должен был. Очевидно, нужно было голосовать и обсуждать списки в открытую, как я и предлагала. А когда результаты объявили, все мы оторопели и совершили ошибку — не начали сразу обсуждать, не попытались понять, в чем дело, и переголосовать, а слишком быстро согласились и ошарашенные ушли. К сожалению, в связи с болезнью Наталии Николаевны Шаховской жюри осталось без председателя, американец, заменивший ее, как я уже говорила, неожиданно улетел домой, и все эти несчастья и потери, конечно, помешали работе оставшихся неопытных членов жюри. Чисто психологически состояние неприятное — просто оттого, что на первом туре играло много достойнейших музыкантов, а в финале — далеко не самые сильные. Меня спрашивали после второго тура, не означает ли странная судьба российских конкурсантов, что имеет место некая обструкция русской школы. Я отвечаю отрицательно и еще раз